

Российская академия наук
Институт экономики

О.Б. Кошовец

«ГОРИЗОНТАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС»
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ:
МЕЖДУ КОНСТРУИРУЕМОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ
И ТЕХНОНАУКОЙ

Москва – 2019

Кошовец О.Б. «Горизонтальный прогресс» экономической науки: между конструируемой реальностью и технонаукой: Научный доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2019. – 47 с.

ISBN 978-5-9940-0644-3

В докладе в рамках более широкого контекста дискуссии о том, куда движется современная экономическая наука, обсуждается вопрос, как оценивать прогресс экономического знания (моделирования) и недавняя попытка Д. Родрика обосновать идею горизонтального прогресса в развитии дисциплины. Исходя из тезиса о том, что «горизонтальный прогресс» – это скорее попытка описания сложившейся практики производства экономического знания и ее легитимации в рамках научного и общественного дискурса о целях и задачах экономической науки, мы обсуждаем вопрос, на какие имплицитные предпосылки опирается эта идея, и какую траекторию развития экономического знания предполагает. С этой целью далее мы анализируем важные изменения в практике производства экономического знания и рецепцию самими экономистами этих изменений, которые можно охарактеризовать как фундаментальный сдвиг от науки, теории и объяснения действительности к ремеслу, технике и конструированию реальности. Затем мы разбираем ключевые онтологические и эпистемологические особенности экономического знания, которые с необходимостью вынуждают экономическую науку развиваться экстенсивно вширь, в том числе по пути т.н. «экономического империализма». В завершение мы ставим вопрос, является ли экономика наукой в эпистемологическом смысле или это более сложный транс-эпистемический феномен, и что имеет решающее значение для ее текущего развития в контексте кардинальной трансформации, которую претерпевает наука в целом как «эпистемологическое предприятие» и социальный институт.

Ключевые слова: горизонтальный прогресс, экономическое знание, модели, инструментализм, формальная онтология, плюрализм моделей, империализм, технонаука.

Классификация JEL: A10, A12, B41, Z10.

© Кошовец О.Б., 2019
© Институт экономики РАН, 2019
© Валерий В.Е., дизайн, 2007

O.B. Koshovets

MAKING PROGRESS GORIZONTALLY:
ECONOMICS BETWEEN CONSTRUCTION
OF REALITY AND TECHNO-SCIENCE

Moscow – 2019

*O.B. Koshovets*¹

MAKING PROGRESS HORIZONTALLY: ECONOMICS BETWEEN CONSTRUCTION OF REALITY AND TECHNO-SCIENCE

Within the broader context of the discussion on where modern economics is moving I consider the progress of economic knowledge (modeling) and particularly address the recent attempt of Dany Rodrik to promote the idea that the discipline makes progress horizontally. Proceeding from the thesis that “horizontal progress” is rather an attempt to describe the current practice of economic knowledge producing, and to legitimate it as goals of economics development in academic and public discourses, I discuss the implicit assumptions underlying this idea, and trajectory of economic knowledge advance it suggests. Further I analyze important changes in the practice of economic knowledge production and the reception of these changes by economists. It can be described as a fundamental shift from science, theory and explanation of reality to craft, tools and the construction of reality. Then I examine methodically the key ontological and epistemological features of economic knowledge, which compel economics to develop extensively following the path of “economic imperialism”. In conclusion, I raise the questions of whether economics is a science from the standpoint of epistemology or it is a more complex trans-epistemic phenomenon, and what is crucial for its current development specifically in the context of the fundamental transformation that science as an “epistemological enterprise” and social institution is undergoing.

Keywords: horizontal progress, economic knowledge, models, instrumentalism, formal ontology, model pluralism, imperialism, techno-science.

JEL Classification: A10, A12, B41, Z10.

1. Author affiliation: Institute of Economy, RAS; Institute of Economic Forecasting, RAS, Moscow. Corresponding author: *Olga Koshovetz*, helzerr@yandex.ru.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
Глава I. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИДЕИ «ГОРИ- ЗОНТАЛЬНОГО ПРОГРЕССА».....	10
1. Что мы понимаем под «экономической наукой»?.....	10
2. Экономическое знание как инструмент, техника и ремесло	12
3. «Эконометриковерие» и эмпирический поворот: превосходство метода	17
Глава II. ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИДЕИ «ГОРИЗОНТАЛЬНОГО ПРОГРЕССА».....	20
1. Горизонтальный прогресс, инструментализм и «плюрализм моделей»	20
2. Горизонтальный прогресс и формализация экономического знания	25
3. Горизонтальный прогресс и империализм	29
Глава III. ТЕХНОНАУКА, «СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО» И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ	32
1. Технонаука и трансформация способов производства и организации знания	33
2. Экономическая наука как трансэпистемическая область	36
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.....	39
ЛИТЕРАТУРА	42
Об авторе	47

ВВЕДЕНИЕ

В этом докладе мы хотели бы в рамках более широкого контекста дискуссии о том, куда движется современная экономическая наука, поставить вопрос о том, как оценивать прогресс в развитии (теоретического) знания в экономике или, точнее говоря, в моделировании, к которому, по сути, свелось теоретическое знание.

В рамках классической научной парадигмы «прогресс» понимается как совершенствование нашего теоретического знания о предмете исследования, то есть в случае экономической теории как построение *лучших* моделей. Однако уже здесь возникает вопрос, что значит «лучший». Более точный, более полезный, обладающий большей объяснительной силой? Любой возможный ответ с необходимостью отсылает нас к фундаментальному вопросу о *целях* экономического моделирования. При этом ответ уже на этот вопрос, в свою очередь, будет выводить нас на другой фундаментальный вопрос об отношениях модели и теории (и предпосылок), на которые модели опираются. Любой факт получает *значение* только в рамках какой-то теоретической схемы (системы представлений), интерпретационного контекста. Иными словами, неинтерпретируемое знание не является знанием.

Поэтому мы бы поставили фундаментальный вопрос об отношении модели и теории одновременно конкретнее и шире, *на что* опираются модели — на теории, только теории или на нечто иное, нежели теории? *В какой слой знания* — и шире наших представлений о мире — вписаны модели, *откуда* они черпают свои ключевые предпосылки (только ли из теории) и исходя *из чего* интерпретируются? И, наконец, *где существует* этот «контекст обоснования» моделей?

В контексте этих фундаментальных для экономической теории вопросов мы хотели бы обратиться к недавней попытке «за-

щитника мрачной науки» Д. Родрика (2015) обосновать идею т.н. «горизонтального прогресса» в моделировании, которое он считает основной целью занятий экономистов и экономической науки как сферы знания. В частности, он утверждает, что: «знание аккумулируется в экономике не вертикально, когда лучшие модели сменяют худшие, а горизонтально, когда новые модели объясняют различные социальные проблемы, которые ранее не получали внимания» (Rodrick-2015: 67). Итак, суть прогресса не в замене старых моделей новыми, а в *расширении возможных подходов/методов* к объяснению социальных феноменов. Исходя из этого, задача развития экономического моделирования видится в том, чтобы, обнаружив/идентифицировав проблему, подобрать/создать для нее подходящую модель. Фактически, это ответ Родрика на вопрос о *целях* экономического моделирования и его видение сути прогресса (чем больше возможный выбор, тем лучше).

Идея Родрика о «горизонтальном прогрессе» вызвала дискуссию, в частности, о том, можно ли считать экспансивное «горизонтальное развитие» прогрессом или особым видом научного прогресса, и как в контексте задач предсказания и определения экономической политики выбирать из имеющегося набора моделей, как идентифицировать правильную/подходящую к случаю модель (Aydinonat -2018; Kuorikoski, Lehtinen -2018). Наконец, некоторые участники дискуссии (Grüne-Yanoff, Marchionni -2018) поставили вопрос о том, что «горизонтальный прогресс» возможен лишь при условии системы ограничений, которая будет направлять подобное экспансивное развитие и о создании соответствующей процедуры отбора модели, соответствующей конкретной задаче/цели.

По нашему мнению, данная дискуссия, безусловно, важная, однако она переводит предложенную Родриком идею развития экономического моделирования в сугубо прикладную и нормативную эпистемологическую плоскость, а значит, обсуждение вопросов об идентификации правильных моделей и создании процедур отбора моделей под задачу может длиться бесконечно. Вместо того чтобы обсуждать правильно ли такое представление или пытаться сделать его нормативно значимым, гораздо интереснее посмотреть на идею горизонтального прогресса в онтологическом, ценностном и институциональном контексте. Ведь, в конечном счете, предложенное Ро-

дриком видение стало своеобразным ответом на мощную критику, которой подверглась экономическая теория в связи с мировым финансовым кризисом 2007–2009 гг.

По нашему мнению, идея «горизонтального прогресса» по сути является попыткой описания (и тем самым фактического признания) *сложившейся практики производства экономического знания и легитимации этой практики* в рамках научного и общественного дискурса о целях и задачах науки и ее пользе для общества. В этой связи интересно обсудить, на какие имплицитные послышки она опирается, что составляет ценностное ядро, и какую траекторию развития экономического знания это предполагает.

Мы хотели бы особо подчеркнуть, что в наши цели не входит анализ собственно книги Родрика и высказанного там набора идей, прежде всего нас интересует, что репрезентирует заявленная им позиция, которая уже обрела некоторую самостоятельность, какие объективные тенденции в развитии экономической науки она отражает и к каким следствиям ведет.

Далее, мы хотели отметить, что, поскольку заявленная тема, по сути, весьма сложная и обширная, а имеющийся объем ограничен, этот доклад написан отчасти в жанре обобщающих размышлений и наблюдений на основе как чтения литературы, так и общения на конференциях с зарубежными коллегами. Прежде всего нам бы хотелось представить общее видение и выделить некоторые, на наш взгляд, важные тенденции, поэтому текст отчасти организован в виде развернутых тезисов к обсуждению, одних тем мы будем касаться более детально, другие (которые читателю могут показаться более важными) будут лишь упомянуты.

Далее в первой главе доклада мы сосредоточимся на анализе важных изменений в практике производства экономического знания и рецепции самими экономистами этих изменений, которые в целом можно охарактеризовать как фундаментальный сдвиг от науки, теории и объяснения действительности к ремеслу, технике и преобразованию (конструированию) действительности. Речь, в частности, идет о таких явлениях, как эмпирический поворот, решающее значение эконометрических оценок для деятельности экономистов, а также отказ от сциентистских претензий как риторическая стратегия с целью избежать обвинений в сциентизме. Мы

считаем, что эти изменения происходят в «горизонтальном направлении», т.е. принципиально предполагают экстенсивный и/или экспансионистский путь развития дисциплины.

Во второй главе мы коснемся нескольких ключевых онтологических и эпистемологических особенностей экономического знания, которые с необходимостью вынуждают экономическую науку развиваться вширь, в том числе создают объективные условия для т.н. экономического империализма. В третьей главе мы хотим поставить вопрос о том, является ли экономика наукой в эпистемологическом смысле или это более сложный феномен, что имеет решающее значение для ее текущего развития, и является ли избранный экономической наукой путь развития перспективным в контексте кардинальной трансформации, которую претерпевает наука как таковая (как культурный и институциональный феномен).

В этом контексте, как мы постараемся показать, «горизонтальный прогресс» и отказ от «истинной (лучшей) модели» следует понимать как прежде всего существенный сдвиг в восприятии роли экономиста в обществе вследствие трансформации самой науки от «модернистской» модели, в рамках которой наука — это «производительная сила», двигатель прогресса, к т.н. «технонауке», знаменующей кардинальные изменения в способах производства знания и его организации.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИДЕИ «ГОРИЗОНТАЛЬНОГО ПРОГРЕССА»

1. Что мы понимаем под «экономической наукой»?

Прежде всего начнем с того, что мы понимаем под экономической наукой, которая будет объектом дальнейшего анализа в данном докладе. Речь идет не обо всем обширном комплексе экономических наук, включая множество прикладных дисциплин, а прежде всего о дисциплинарном ядре, которое формировалось вокруг неоклассической теории, а также сложившихся и институционально закрепленных *практиках* производства экономического знания, эпистемологически ориентированных на естественнонаучный стандарт и математическое моделирование. Речь идет о том, что исторически обозначалось и развивалось под названием *economics*, а теперь часто называется «стандартной экономической теорией».

Под стандартной экономической теорией мы понимаем ядро *economics*, т.е. обобщенную экономическую теорию, которая представлена в любом учебнике. Она является нормой, стандартом описания и объяснения экономических явлений (включая такие понятия, как «равновесие» и «рациональность», такие познавательные ходы, как установление жестких причинно-следственных отношений и гипотетико-дедуктивный метод), а также стандартом репрезентации экономического знания в виде формализованных математических моделей. Кроме того, в западной литературе для тех же целей используются название «ортодоксия» (которое намекает на доктринальный характер доминирующей экономической теории) или, как предлагает Т. Лоусон – академическая экономическая теория (*academic economics*). Этим он подчеркивает институциональный аспект доминирования мейнстрима. То есть речь идет о той экономической науке, которой занимается академическое сообщество и которая противопоставляется всем другим направлениям или попыткам мыслить «экономическое», маргинализируемым по фак-

ту отсутствия или нежелания применять формальный инструментарий (Lawson -2012).

Мы отнюдь не случайно употребили выражение «стандартная». Оно в данном случае ключевое и относится к тому слою экономического знания, которое каждый экономист получает при обучении и которое формирует *его мышление и методы работы* с изучаемым объектом. Иначе говоря, речь идет о дисциплинарном слое знания, закрепленном дисциплинарной структурой науки, то есть системой разделения научного труда, которая имеет как эпистемологические характеристики (объект, предметная область, метод науки), так и институциональную проекцию (кафедры, факультеты, институты, ассоциации, журналы и т.п.). Дисциплинарные знания — это тот тип научных знаний, которые составляют содержание учебников по соответствующим дисциплинам. В учебниках всегда представлен законченный объект описания, а знание, преобразованное с дидактической точки зрения, организовано предметными и нормативными (а не проблемными) связями (Кошовец -2007).

Соответственно, дисциплинарные знания составляют собой ядро соответствующей науки, которое включает в себя набор регулятивных принципов применения знания, правил, которые должны стать внутренними регулятивами развития каждой науки. Наличие дисциплинарных знаний — также необходимое условие самоидентификации дисциплины и как следствие, ее институционализации и профессионализации. Поэтому именно дисциплинарные знания преимущественно определяют коммуникацию в рамках конкретной дисциплины как на этапе обучения (вхождения), так и в дальнейшем в рамках производства знания и, соответственно, воспроизводства академического сообщества. Наконец, дисциплинарный слой знания формирует *эталон исследования* (и затем парадигму) в рамках каждой конкретной дисциплины, вокруг которого происходит консолидация соответствующего научного сообщества (Кошовец -2010).

Как отмечает М. Фуркад, «существует довольно много данных, свидетельствующих о том, что, несмотря на глубокие политические разногласия, экономисты обычно мыслят в более единообразном контексте и в рамках более унифицированной парадигмы, нежели другие обществоведы. Например, подавляющее большинство

экономистов согласны с базовым набором принципов и инструментов, структурирующих магистерские и аспирантские образовательные программы. Кроме того, они в гораздо большей степени, чем в других социальных науках, опираются на учебники, в том числе и на уровне магистратуры и аспирантуры». Она также отмечает, что «в ходе опроса, проведенного в 1990 г., выяснилось, что во всех аспирантских программах по экономической науке образование поразительно схоже» (2015: 52, см. также Hansen -1991).

Таким образом, речь идет об условном «твердом ядре» науки, которое воспроизводится как в системе образования и в исследовательской практике, так и в рамках доминирующего экономического дискурса (представленного масс-медиа и экспертами). Безусловно, экономическая теория исторически развивалась, в том числе и после формирования ее дисциплинарной структуры и учреждения университетских стандартов преподавания науки в начале XX в., существует великое множество моделей, которые корректируют, улучшают, дополняют сложившуюся стандартную теорию.

Однако нечто остается неизменным (устойчиво воспроизводящимся), к тому же что это «неизменное» выступает фактической *точкой сборки* чрезвычайно фрагментированной экономической теории. С институциональной точки зрения это «неизменное» обеспечивает универсалистские притязания экономической науки, делаая ее поистине глобальной (и даже глобалистской) дисциплиной, которая имеет очень жесткие и единые стандарты преподавания основ теории в любой точке мира, способствуя выработке единого языка как для членов профессионального сообщества, так и для любого пытающегося говорить на тему экономики с позиции эксперта [Fourcade -2006]. Это неизменное – *математический метод* экономической науки.

2. Экономическое знание как инструмент, техника и ремесло

Итак, идея «горизонтального прогресса» в экономической науке означает, что экономическое моделирование развивается отнюдь не привычным для нас способом смены худшего новым и лучшим, а путем расширения нашего «модельного ассортимента», ко-

торое понимается как построение все новых моделей с целью создания своеобразной «библиотеки моделей» на все возможные случаи. При этом суть утверждения Родрика не только в том, что именно таким образом развивается экономическое моделирование, а именно в том, что такой тип развития *конституирует определенный прогресс*.

Здесь ключевым является то, *как* Родрик понимает экономическую науку, иными словами, понимание прогресса предполагает определенное видение целей и задач соответствующей дисциплины. Прочитируем автора: «термин «экономическая наука» (economics) стал использоваться в двух разных смыслах. Одно определение делает акцент на содержательном аспекте исследований; в такой интерпретации экономическая наука — это одна из наук об обществе, цель которой — понять, как устроена экономика. Второе определение делает акцент на методах: экономическая наука — это один из способов изучения общества с применением определенных инструментов. В такой интерпретации дисциплина ассоциируется с аппаратом математического моделирования и статистическим анализом, а не с определенными гипотезами или теориями относительно экономики. Отсюда следует, что экономические методы можно применить помимо экономики ко многим другим сферам — начиная от принятия решений в семье и заканчивая вопросами о политических институтах. Я использую термин «экономическая наука» во втором смысле» (Rodrick -2015: 11).

Из приведенной цитаты, очевидно, явствует, что экономическая наука здесь редуцируется к моделированию или, лучше сказать иначе, предстает исключительно как метод, который является развитым, универсальным и применимым ко многим другим сферам. Такое определение, в целом, закономерно отражает то состояние, к которому экономическая наука пришла на рубеже XX—XXI вв., когда моделирование является основным содержанием обучения и ключевым элементом деятельности работающих в этой сфере специалистов, а сама дисциплина предстает как ящик исследовательских инструментов по производству «как если бы» (as if) теорий и знания о *лобом* («возможном») социальном мире. В итоге, экономическая теория, по сути, специально не связана (как это парадоксально ни звучит) с изучением экономической реальности (Fourcade -2009).

Такое определение экономической науки (мы будем далее называть его «инструменталистским») становится доминирующим прежде всего в силу дисциплинарных и институциональных факторов развития, о которых мы упомянули в предыдущем параграфе, и которые отмечают другие исследователи. В частности, это превращение обучения экономике в индустрию и перепроизводство экономистов, которые очевидно ведут к возрастанию значения формальных критериев и процедур, что неминуемо отражается на учебном процессе и его содержании, а также на публикационной политике ведущих экономических журналов, которые превратились в инструмент сертификации качества научной продукции, обязательно подразумевающий изолированное моделирование (Капелюшников-2018: 10).

Следует отметить, что представление об экономической науке как сугубо об инструменте подразумевает сверхценность моделей и формальных техник для экономистов. Причем не только потому, что это основа и ключевое содержание их научной деятельности, а также способ производить знание, но и потому что на этом во многом базируется широко распространенный в академических кругах дискурс, который Дж. Месс характеризует как «миф о научном превосходстве» экономистов (Maesse -2016). Это превосходство подразумевает *эталонный* характер экономического знания и высшую позицию для экономики в дисциплинарной иерархии (Фуркад и др. -2015) в виду ее особого «*научного статуса*» (соответствия естественнонаучному стандарту») среди всех социальных наук» (Colander -2005).

Безусловно, претензии на особую «научность» — это отчасти риторическая стратегия, позволяющая идентифицировать и относить экономическую науку к особо ценным частям научного знания вообще. Так, несмотря на утверждение инструменталистского видения экономической науки после мирового финансового кризиса 2007–2009 гг. обозначилась крайне интересная тенденция: отказ экономической науки от сциентистских претензий (Ross-2018) и приравнивание деятельности экономиста к ремеслу (craft), в том смысле, что преимущество экономистов не в знаниях, а в умениях (мастерстве, опыте, компетенции) (Leamer-2012). Исходя из этого, задача экономического моделирования предстает совсем иначе, не как поиск каузальных связей (они существуют лишь в голове интер-

претатора), а как *рассказывание «вдохновляющих историй»*, в том числе, потому что нарративные структуры позволяют помнить экономические уроки.

Родрик придерживается похожей позиции, считая модели баснями, которые содержат ясно просматривающуюся мораль («выводы для государственной политики»): «свободные рынки эффективны, оппортунистическое поведение в стратегическом взаимодействии может ухудшать положение всех его участников, стимулы имеют значение и так далее» (Rodrick-2015: 17). При этом он не считает, что такое сравнение «принижает научный статус» моделей. По его мнению, часть их привлекательности как раз в том, что они «работают как басни», поскольку уже с момента обучения будущий экономист *усваивает соответствующее мышление* («остается с постоянным уважением к власти рынков»): «даже если конкретные детали моделей забыты, они остаются *шаблонами для понимания и интерпретации мира*» (Rodrick-2015: 18).

Из этих рассуждений можно сделать два любопытных вывода. Во-первых, несмотря на казалось бы антисциентистскую и имплицитно содержащуюся антиреалистическую позицию, риторическая стратегия, сравнивающая модели с историями, призвана защитить моделирование как основную практику экономистов и поддержать представление о моделях как о сверхценном инструменте. Только акцент здесь смещается с познания, описания и объяснения реальности (исходно модель это прототип, упрощенное представление объекта) на усвоение определенных обобщенных шаблонов, типических представлений, т.е. подчеркивается *конструктивная и генеративная роль моделей*. Во-вторых, особый акцент на мастерстве и компетенции, а не на научных знаниях указывают на то, что авторитет и позиция экономиста *важнее* и что они лишь *поддерживаются наукой* (академическим капиталом, представляющим систему высококачественной формальной и неформальной сертификации) (Bourdieu-1989), *но производятся в другой сфере, нежели наука* (Кошовец-2010). Иными словами, существеннее, что экономист — эксперт, обладающий определенным статусом и репутацией, а не ученый, имеющий определенные знания.

Мы полагаем, что идея «горизонтального прогресса» не только полностью комплиментарна «инструменталистскому»

определению экономической науки, но и одновременно отражает отход от сциентизма и связанную с этим ориентацию на прагматические задачи, которые формируются преимущественно за пределами науки и понимаются в инженерном ключе как активное преобразование объекта (или даже в проективном ключе – как конструирование реальности (Maesse-2013)). Идея «горизонтального прогресса» лишь добавляет к этому, что экономист должен заботиться о том, чтобы создаваемый им инструментарий был как можно более обширным, чтобы предоставить максимальный *выбор*. Вместе с тем, это означает, что сам выбор здесь *неявно переносится* (хотя бы частично) *на того, кто будет пользоваться инструментом*, а следовательно, и отвечать за эффективность/неэффективность его применения. Иными словами, речь идет о том, что У. Бьерг характеризует как проблему «ответственности экономистов» и «ответственности политиков» (последние должны хотя бы *разделять* часть ответственности с экономистами). Призывы Родрика к четкому осознанию экономистами своей роли (круга своих возможностей) и ограниченности своих умений по сути оборотная сторона утверждения о том, что задачи «экономической науки» глубоко инструментальные.

В научном знании за интерпретацию фактов и результатов, получаемых в ходе исследования той или иной предметной реальности, отвечает теория (в рамках которой содержатся концепции, гипотезы, а также онтология, определенное видение и понимание некоей сферы, в данном случае «экономического», которые составляют аксиоматическое ядро конкретной науки). В свою очередь, разовый технический инструмент, имеющий *ad hoc* природу и предназначенный для конкретного случая, не может претендовать на системное объяснение и понимание экономических феноменов или тем более таких сложных явлений, как финансовый кризис 2007–2009 гг. Кроме того, математический аппарат непогрешим и получаемые с помощью математического моделирования результаты повсеместно признаются как объективные. Но тогда возникает вопрос, где будет формироваться и существовать «контекст», который будет направлять и выбор подходящих инструментов, и интерпретацию результатов.

3. «Эконометриковерие» и эмпирический поворот: превосходство метода

Выше мы уже отмечали, что отказ от сциентистских претензий и понимание профессии экономиста как ремесла происходит в рамках выраженного тренда на прагматизацию экономического знания. Прагматизация является не только ответом на колоссальную фрагментированность знания в экономической науке, которая началась в 1960-х гг. и выразилась в движении по пути массового производства частных моделей, а затем лишь усилилась на фоне разрастания сферы прикладных эмпирических исследований с начала 1990-х гг., но также отражает существенные сдвиги в процессе обучения экономике. Экономические факультеты постепенно *уступают место бизнес-школам* (Stock, Sigfried-2014), что, в частности, выражается в резком снижении внимания к теории и повышению роли обучения на кейсах (Ананьин-2018: 245–246).

Как нам представляется, идея «горизонтального прогресса» в развитии экономического знания, по сути, отражает эти изменения, а также хорошо вписывается в идущий в последние годы фактический пересмотр практик производства экономического знания. Наиболее важными тенденциями такого рода являются т.н. «эконометриковерие» (Капелюшников-2018) и т.н. «эмпирический поворот» (Einav and Levin-2014; Boettke et al.-2008) в экономических исследованиях, который подтверждается библиометрическими данными (Hamermesh-2013; Angrist et al.-2017). В первом случае речь идет о такой тенденции, как абсолютное превалирование результатов эконометрического оценивания над общей теорией и часто наблюдаемый конфликт между положениями теории и эконометрическими оценками, сталкиваясь с которым экономисты отдают безусловное предпочтение второму, полагая общетеоретические принципы условностью, не имеющей отношения к реальности. Фактически же, это сказывается на статусе теории в рамках экономического знания — она не только *не имеет значения* как отправная точка для проведения исследований, выбора проблем, она также *не участвует в интерпретации* полученных оценок (вне зависимости от того подтверждают ли они теорию или противоречат ей) (Капелюшников-2018: 13–16).

Однако значит ли это, что исследователю не нужна консистентная картина мира, что реальность предстает «лоскутным одеялом»? Возможно, в рамках его частных исследований, действительно, нет, — ему достаточно лишь того консенсуса, который существует в его узкой области или в соседней — и если данное сообщество исследователей признает что-либо доказанным, обоснованным фактом. Вместе с тем, любая деятельность, связанное с этим целеполагание, результаты и институализированные практики не могут не предполагать *общую* картину мира. И если в рамках научных занятий ее не формирует теория, значит, она *формируется в каком-то другом месте*. Причем в этом «другом месте» в силу особенностей его функционирования *принципиально снимается проблема противоречия*.

Ведь в рамках научной теории (к тому же формализованной и построенной на логико-дедуктивной основе) противоречие по определению существовать не может (иначе это подрывает ее истинность), но оно может существовать в рамках практик и в «картине мира». Именно поэтому экономисты не испытывают дискомфорта, находясь в рамках балканизированной реальности и прямо противоречащих друг другу эконометрических оценок. «Точка сборки», «контекст интерпретации», безусловно, включены в их деятельность, только *на другом уровне*. Вспомним вышеупомянутое замечание Родрика о том, что усвоенные во время обучения шаблоны интерпретации, «мораль басни» остаются. Отметим также, что исследования убедительно показывают, что экономическая наука становится все более и более гомогенной в вопросах ценностных и политических предпочтений (Fourcade -2006; Wharles -2009).

Обратимся к другой тенденции — резкое повышение научного статуса эмпирических и эксперименталистских исследований, фактически нацеленных на изучение каузальных связей (корреляций) вне связи с какой-либо теорией, так как нет цели ни подтвердить/опровергнуть какую-либо теорию, ни выступать в роли эмпирического базиса для какой-то теории или концепции, ни интерпретировать полученный результат, исходя из какой-либо теоретической схемы (De Vroey, Pensieroso-2016). Равнодушие эмпирических и экспериментальных исследований к наличию/отсутствию какого-либо теоретического построения/подхода не только закономерный результат зашедшего в тупик развития экономической нау-

ки по линии превращения ее в «чистую» дисциплину гипотетико-дедуктивного типа с очень высоким уровнем абстракции (Blaug-1997; Hutchison-1998; Rosenberg-1992) и реализация противоположной траектории — эмпирического пути развития в особенности на фоне существенного расширения вычислительных мощностей, изобретения целого ряда новых эконометрических техник и многочисленных методологических улучшений в сфере моделирования каузальных гипотез и обработки больших массивов данных (Ross and Kincaid-2009). Здесь гораздо интереснее, как нам представляется, то, что такие исследования пытаются задать *эталон научной строгости* (Duvendack et al.-2017), точно так же, как в эконометрических исследованиях, чем изощрение техника анализа, тем, по мнению экономистов (и экономических журналов, по сути поддерживающих и поощряющих эту тенденцию), лучше результат.

Значит ли это, что к нему больше доверия? Возможно, однако скорее всего это указывает на *сверхзначимость развития самого инструментария*, на задачу постоянного создания каких-то новых методов. К примеру, об этом свидетельствует сам факт, что расцвет эмпирических исследований сопровождался как резким ростом числа очень слабых и неубедительных работ, так и выработкой критериев и жестких стандартов качества, в итоге приведших к т.н. «революции достоверности» (Либман-2018). И то, и другое (помимо объяснения чисто эпистемологическими и вполне понятными институциональными причинами) само по себе указывает на сфокусированность на развитии именно методов и техник, их особой значимости для дисциплины.

Но зачем нужно развивать исключительно инструментарий и создавать новые техники? Это ключевой вопрос, и мы постараемся ответить на него в третьей главе. Пока лишь отметим, что эта тенденция полностью укладывается в анализирующуюся выше т.н. «инструментальную позицию», т.е. представление о том, что экономическая наука — это *метод* изучения общества с применением определенных инструментов, и эти методы *можно* применить помимо экономики ко многим другим сферам.

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИДЕИ «ГОРИЗОНТАЛЬНОГО ПРОГРЕССА»

1. Горизонтальный прогресс, инструментализм и «плюрализм моделей»

Совершенный А. Маршаллом разворот в сторону построения экономической науки на основе инструментальной теории (не совокупность конкретных истин, а мотор, предназначенный для того, чтобы открывать такие истины» (Marshall-2008: 18, 25)), подразумевал развитие по пути разработки методов экономического анализа и превращение этой деятельности в самостоятельную сферу (дисциплину) и тем самым создавал необходимые условия для последующего экспансивного движения вширь. Такой путь развития дисциплины рано или поздно потребовал позитивного методологического обоснования, и оно появилось. В этом контексте идея Родрика о «горизонтальном прогрессе» в содержательном смысле не нова и в целом вписывается в две методолого-эпистемологические традиции, развиваемые в рамках экономической науки уже давно и закономерно ведущие к представлению о том, что экономическая наука – это не «определенные гипотезы или теории относительно экономики» и того, как она устроена, а метод, инструмент. В рамках идеи «горизонтального прогресса» эти традиции, а речь идет о старом добром инструментализме М. Фридмена и о т.н. «плюрализме моделей», институционально легитимируются.

Итак, в основании ключевых представлений о прогрессе экономического моделирования, выраженных Родриком, лежит своеобразная модификация идей инструментализма М. Фридмена, в том смысле, что ценность моделей определяется их эффективностью (то есть методом, инструментом), а не предпосылками, т.е. реалистичностью, репрезентативностью. Вспомним инструменталистскую аргументацию. М. Фридман рассматривает теоретическую

деятельность «позитивного» экономиста как самостоятельное движение в «параллельном» экономической реальности концептуальном мире, который в некоторой своей части с внешней реальностью не связан. Теоретическая конструкция предъявляет свою релевантность не за счет реалистичности посылок и экспериментальной проверяемости, а исключительно за счет эффективности предсказаний и умения способствовать решению некоторой практической проблемы. Как пишет по этому поводу М. Фридмен, «идеальные типы не предназначены для описаний, они созданы для выделения характеристик, которые являются решающими для решения конкретной проблемы» (1994: 45).

Приведем аналогию: у нас есть карта, с помощью которой мы хотим найти сокровища. С позиций инструментализма не важно, соответствует ли карте местность, где мы ищем сокровища, важно лишь, чтобы с ее помощью мы могли их найти. В такой формулировке порочность рассуждения становится очевидной: сложно представить себе эффективный поиск сокровищ с помощью карты, не соответствующей местности, и вполне очевидно, что результат при этом будет носить *случайный* характер. Можно возразить, что никто не требует от карты полного отражения действительности и реальность всегда богаче знания.

Однако этот аргумент не меняет сути дела: поскольку регулятивные правила построения карты привязаны не к реальности, а к создателю карты и его целям, вопрос о границах применимости построенной модели (карты) и о степени закономерности (необходимости) полученных результатов остается неразрешимым. Не имея ясного представления о степени предметности (адекватности) модели, мы не можем оценить ни степень надежности (воспроизводимости) достигнутого результата (ту самую «эффективность»), ни границы области применения модели и ее производных. Все, на что мы можем рассчитывать, — это локально эффективное знание неизвестной степени общности с выводами неизвестной степени устойчивости. По сути, это N -разовое знание с неизвестным значением N (Кошовец, Вархотов, 2014).

Экономическое моделирование описывается или пытается представить себя в рамках тезиса о «горизонтальном прогрессе» и «библиотеке моделей» схожим образом: это сугубо локальное эф-

фективное знание, применимое в одном случае и не применимое в другом (на этот случай у нас много других моделей, какая-то подойдет, но это зависит от мудрости и искусности того, кто работает с моделями). Однако гораздо важнее здесь другой момент: инструментализм не только легитимирует отказ от содержательных онтологий в пользу развития формальных методов и техник, «замещения» математическим аппаратом традиционных средств построения онтологии других наук. В результате содержательные онтологии вытесняются формальными онтологиями, обладающими способностью к порождению *любой* реальности (логически «возможных миров»). Как верно подмечает Р. Коуз: «реализм предпосылок заставляет нас исследовать тот мир, который существует, а не воображаемый» (Coase-1994: 18).

Что касается идеи т.н. «плюрализма моделей», по сути, являющейся логическим продолжением вышеозначенных идей инструментализма, то это активно развиваемая и широко дискутируемая в последнее время в экономической методологии тема. В ее рамках принимается тезис о нереалистичности или даже ложности посылок модели, но так как они выступают как «анalogии» (Gilboa et al.-2014), «правдоподобные/ возможные / параллельные/ гипотетические миры (Sugden-2000, 2009), «выдуманнные миры» (Lucas-2011), «мысленные эксперименты» (Maki-2005), «логические протезы» (Donato-Rodriguez, Zamora-Bonilla 2009), то экономисты извлекают из этого большую пользу, используя модели как «кейсы», «лаборатории», с которыми сравнивается /в которых испытывается та или иная проблема. Данные представления развиваются в контексте набирающего популярность в философии науки представления о моделях как о «фикциях» (fiction), которое подразумевает, что модель создается не для того, чтобы «репрезентировать или описать мир, в котором мы живем», а скорее чтобы «вообразить или задать некий мир, который описывается в форме модели (в уравнениях, диаграммах или даже создается машиной)» (Morgan-2014: 232).

Иными словами, модели – это эвристически полезные, хотя и принципиально искусственные конструкции, зато отличающиеся такими свойствами как простота, наглядность, наличие аналогии, что делает их правдоподобными и одновременно так похо-

жими на «басни» (Rubinstein -2006; Rodrick-2015). Отметим, что сравнение с баснями неявно вводит перформативный элемент — в этом плане смысл моделей в закреплении в социокультурном пространстве определенного «рассказа», «вдохновляющих историй» (Leamer -2012) и содержащихся в них представлений о реальности (или конструирование символической реальности в соответствии с этими представлениями (Maesse-2013)).

Фактически, и концепция «плюрализма моделей», и представление о моделях как о «баснях», «сказках» означает не только отказ от реалистической установки (модель репрезентирует некий фрагмент реальности), но и, по сути, от претензии на *объективность* (в смысле соответствие объекту (Daston, Galison-2010)). Очевидно, что такая позиция, как и позиция Родрика, основывается на предпосылке о том, что нет и не может быть такой вещи, как «*истинная модель*». Об этом Родрик сам эксплицитно заявляет, выдвигая в качестве ключевого утверждения тезис о том, что *разные контексты требуют разных моделей*, и именно поэтому новые модели расширяют наши познания, а не заменяют собой старые.

И инструментализм, и плюрализм как методологические стратегии защиты моделей не только имеют целью легитимировать производство моделей, но также подразумевают, что модель *не является элементом теории* (вспомним, что исходно модель это аналог чего-то в реальности, идеализированная, абстрактная репрезентация какого-то объекта), а лишь исключительно инструментом (в инженерном смысле слова). В этом контексте модели, с одной стороны, четко *отделяются от теорий* (не нацелены на понимание, как устроен определенный фрагмент реальности, не содержат гипотез относительно него и т.п.), а, с другой стороны, *отождествляются с теориями*.¹ Последнее — закономерный результат последовательной маргинализации больших теорий и сильной фрагментированности экономических знаний (Ананьин-2005: 163–164).

Родрик отмечает, что «у теории имеются амбиции», так как это «собрание идей и гипотез, выдвинутых с целью объяснения определенных фактов и явлений» (Rodrick-2015: 66). Вместе с тем,

1. Для большинства экономистов теория это просто расширенный набор аксиом, безотносительно того способны ли они вообще моделировать какие-либо реальные экономические ситуации (Leamer-2012).

далее он отмечает, что имеющиеся в экономической науке теории либо настолько общи, что имеют минимальное отношение к реальности, либо настолько специфичны, что описывают очень маленький кусочек реальности, по сути же все теории в экономике — «частные коллекции моделей, наборы инструментов, а не универсальные объяснительные схемы для явлений, которые изучаются с их помощью» (Rodrick-2015: 81).

Здесь мы возвращаемся к вопросу, если, с одной стороны, теории не важны, и модели, по сути, и есть частные теоретические кейсы, а с другой стороны, модели — это сугубо инструменты, которые не содержат гипотез, то на основе чего интерпретируются модели, где находится контекст их обоснования. Ведь, в конечном счете, даже сравнение с баснями неявно намекает, что *содержание есть* и даже устойчиво воспроизводится. Но откуда оно там появляется?

Р. Сагден (Sugden-2009: 4) отмечает, что в экономических моделях часто отсутствуют конкретные указания относительно того, где они применимы, таким образом, индуктивный вывод из моделей зависит от *субъективных суждений* о предполагаемом сходстве модели с чем-то в реальности, при этом он не может быть сформулирован на математическом или логическом языке.

Действительно, как бы экономическое знание ни сводилось к математическим моделям, чтобы обладать экономическим смыслом, они должны иметь содержательные предпосылки, привязывающие модель именно к экономической реальности (не просто кривая, а кривая спроса), и интерпретацию, позволяющую придать результатам соответствующую практическую значимость. Это подразумевает языковые средства, которые не являются нейтральными (объективными) и существуют в рамках культуры. При этом языковые средства всегда ценностно нагружены и детерминированы социальными и институциональными условиями, в рамках которых воспроизводятся (Кошовец, Ореховский-2018). В этом смысле модели также представляют собой социальные, лингвистические и риторические феномены, они могут и должны рассматриваться как «системы убеждений, в которые люди верят, и на основе которых они действуют» (Samuels-1991).

2. Горизонтальный прогресс и формализация экономического знания

Идея горизонтального прогресса и лежащее в ее основании понимание моделей как исключительно инструментов является прямым следствием развития экономики по пути формализации теории. Исторические, социокультурные (Weintraub-2002; Mirowski-1989), институциональные (Fourcade-2009) и идеологические (Amadae-2003) причины этого процесса достаточно освещены в литературе, в рамках данной работы интерес для нас представляют два (одно онтологическое, другое эпистемологическое) последствия формализации, существенно влияющие на траекторию развития и возможные направления прогресса определенной области знания.

Для развития экономического знания применение математических конструкций имеет две стороны. С одной стороны, применение моделей для решения огромного типа прикладных научных и локальных бизнес задач имеет огромный и постоянно воспроизводимый практический эффект. С другой стороны, используемый в экономической теории математический аппарат почти никогда не проверяется на адекватность исследуемой предметной области (прежде всего из-за чрезвычайной сложности и исходной эпистемологической установки на упрощение).

В этой ситуации закономерно, что, в конечном счете, в рамках экономической теории стали развиваться и воспроизводиться математические модели «возможных миров»². Это означает, что сначала изучение реальных экономических процессов подменяется выстраиванием типической «картины мира» с помощью математических средств, которые делают универсальными исходные экономические категории. Формализованная таким образом теория санкционирует поиск «скрытых сущностей» (законов экономики), которые оказываются вне времени и пространства (т.е. неисторичны, географически и социокультурно нелокальны). Поэтому хороший исследователь должен отличать «сущность» экономических процессов от их «видимости», проводя своеобразную очистку исследуемых

2. Стоит заметить, что сначала необходимо было бы обосновать, что предметное строение конкретной науки структурно аналогично онтологии математического мира, откуда происходит заимствование математических конструкций.

феноменов от влияния «экзогенных», случайных факторов и выделяя их форму (Кошовец, Ореховский-2018).

На этапе сильной формализации теории происходит замещение содержательных онтологий, и предметная онтология уже создается в основном математическими средствами (на основе их синтеза с несколькими наиболее общими категориями конкретной дисциплины). В результате, говоря о фундаментальных экономических категориях, экономист уже не может помыслить их иначе, как математически (с другой стороны, это позволяет работать с ними любому ученому из другой области, владеющему формальным аппаратом и не знакомому с экономикой). При этом исследователь не только не может помыслить, но и *представить* эти категории в рамках данной системы знания иначе как математически.

В теории, где произошло замещение содержательных онтологий формальными, исходные предметные (а теперь абстрактные) категории выступают в роли структурных элементов порождения «возможных миров» (т.е. неких моделей, воображаемых репрезентаций того, как *должно и могло бы быть*, но в реальности не наблюдается). Иначе говоря, созданная математическими средствами формальная онтология — это возможные миры (метафоро-математические или мифо-математические — термины В.В. Налимова), «населенные» *типическими* объектами. Работа с ними формирует определенный когнитивный стиль и способы оперирования материалом, заставляя, к примеру, не только везде видеть «рынок» или «рациональное поведение», но и универсализировать их.

Между тем, поскольку формализация теории делает ее «онтологические обязательства» (референциальные утверждения) очевидными, то работающий с ними исследователь должен признавать их существование (хотя бы на уровне семиотики и эпистемологии). Однако — следует подчеркнуть — эти «обязательства» сформулированы в рамках «возможных миров», а не относительно реального мира. Обосновать реальное существование принимаемых в рамках данной семантики («возможного мира») сущностей невозможно только на основании того, что они существуют в данном «возможном мире» (Макеева-2011). Вместе с тем, по сути, это обстоятельство игнорируется, — в рамках других языковых практик, которые реализуются не в теории, а в социуме, данные категории не только универса-

лизируются, но и неизбежно онтологизируются (то есть начинают восприниматься как обозначающие *реально существующие в мире* объекты). Вот именно подобную траекторию мы можем наблюдать в отношении таких экономических категорий (идеализированных типических объектов), как рынок, обмен, рациональное поведение.

Обратимся теперь к другой – собственно эпистемологической – проблеме развития по пути формализации. Могущество формализованной теории кажется безграничным, поскольку только из одних своих принципов она может получать различные законы и на основе простого измерения некоторых начальных данных однозначно предвычислять результаты новых измерений. Однако ключевая проблема формализованного знания в том, что оно само по своей природе *не допускает эволюционного уточнения*, то есть того самого вертикального прогресса. В рамках формализованного знания все аксиомы должны быть строго сформулированы и логически увязаны между собой, при этом в нем должны быть тщательно устранены все внутренние противоречия. Изменение любой из исходных посылок разрушает всю систему. Это ставит очень жесткие рамки (пределы) для дальнейшего эволюционного развития формализованных теорий, а идеальная формализация вообще означает, что такой возможности нет (потому что быть не должно) (Стаханов, 1974). Для наглядности приведем аналогию со строительством дома, мы можем менять и конструкцию дома, и материалы, из которого он сделан, пока дом строится, но когда он построен, мы эту возможность теряем, наши варианты ограничиваются только достройками и украшением (улучшением) имеющегося либо сносом и строительством нового здания.

Потеряв возможность уточнять имеющуюся систему аксиом, особенно если мы наталкиваемся на такие факты, которые невозможно объяснить на основе теории, но также и невозможно игнорировать, мы рано или поздно будем вынуждены прибегнуть к радикальному пересмотру теории и созданию новой. Создание новых теорий, по необходимости существенно отличных от старых, означает фрагментацию знания, т.е. приобретение им все более и более обрывочной структуры и *установление границ применимости* для теорий, достигших своего предела. Всем хорошо известен пример из физики, когда фундаментальные проблемы классической механики

привели к построению квантовой механики и квантовой теории поля, одновременно строго определив место в теоретическом универсуме для их предшественницы.

В рамках физики и естественнонаучной парадигмы, нацеленной на изучение *неизменных* объектов, классов объектов и т.п., старая теория по-прежнему остается верной, хотя и в отношении определенного фрагмента реальности. Однако если теория, пошедшая по пути формализации, исходно имела своим объектом нечто социально и исторически изменчивое, возникающее и гибнущее, локально существующее? Значит ли это, что такая почти полностью формализованная теория не верна или ее все же можно оставить в арсенале науки, четко ограничив сферу применения? Или зададим этот вопрос по-другому, значит ли это, что исторически изменчивое, ограниченное и локально существующее, которое в ходе формализации теории было универсализировано в качестве законов или превратилось в абстрактные общезначимые структуры, по-прежнему остается релевантным?³

Какие из этой ситуации имеются выходы, если по тем или иным причинам мы не можем ни *полностью отбросить* теорию, ни *жестко установить границы* ее применимости? По нашему мнению, их два. Первое — сохраняем имеющуюся систему принципов и продолжаем работать с теорией, то есть получать из нее выводы, применяя их к новому, но *принципиально однородному с прежним эмпирическому материалу*. Эта модель *экспансивного* развития будет постоянно требовать для себя нового материала для тестирования, получения выводов из аксиоматического ядра теории. Есть как

3. Характеризуя формалистскую революцию в экономической науке, М.Блауг отмечает, что «конечной целью была имитация пресловутой программы Гильберта в математической науке, т.е. полная аксиоматизация экономических теорий» (Blaug-2003: 145). Действительно, формализм Гильберта, как и другая программа обоснования математики — логицизм ориентированы на идеалы выявления полной логической структуры теории и финитной разрешимости формализованных утверждений. В этом смысле весьма показательно, что полная формализация теории общего экономического равновесия (ТОЭР) Л. Вальраса, проведенная К. Эрроу и Ж. Дебре, привела в итоге к резкому снижению интереса к ней и маргинализации на периферию экономической науки. Если до этого ТОЭР была теоретическим ядром неоклассического мейнстрима, то разрыв с этим ядром и его отрицание фактически являются отправной точкой для современного этапа трансформации экономической науки и обращения к новому инструментарию. Одновременно с этим в 1990-е гг. отмечается почти полная потеря интереса к работе с формальной теорией и концентрация на построении моделей как ключевой составляющей той части экономической науки, которая занимается теорией (Colander-2000: 389).

минимум три способа получения такого нового материала — включать в теорию новые объекты, предварительно преобразуя их так, чтобы они были однородны с прежним эмпирическим материалом, двинуться в соседние области или создать новую дисциплину.

Второе решение — отказаться от развития предмета и развивать только метод, это подразумевает, что прежние теории как бы тоже становятся методом (перестают быть теориями и становятся моделями), а также последовательное превращение в техническую дисциплину. Такой путь горизонтальной эволюции также подразумевает как дальнейшую фрагментацию исходной области знания, так и экспансию в соседние дисциплины.

3. Горизонтальный прогресс и империализм

Все отмеченные в первой части объективные социальные и институциональные тенденции развития экономической науки по пути разрастания вширь, культивирования формальных техник, превращения дисциплины в универсальный инструмент и устойчивое воспроизводство этих «ценностей» экономического знания в рамках системы обучения и в рамках академического сообщества, а также проанализированные во второй части ключевые эпистемологические и онтологические основания «горизонтального прогресса» и инструментализации закономерно подводят нас к теме т.н. «экономического империализма»⁴. Эта тема сама по себе обширная и заслуживающая отдельного исследования, здесь же мы отметим только ряд ключевых моментов, значимых для идеи «горизонтального прогресса» в моделировании и прояснения вопроса, куда движется современная экономическая наука.

Для успешного вторжения в другие науки необходимо два условия: наличие в дисциплине развитого универсального метода и

4. Следует подчеркнуть, что горизонтальное разрастание вширь неверно трактовать как междисциплинарное развитие. В основе представлений о междисциплинарности лежит позитивистская методология науки и нормативная идея о «единстве (унификации) знания», в которой нет субъектов, их ценностей и интересов, поэтому там объединяются (интегрируются) методы, теории, объяснения, данные и другие элементы знания. При этом из поля зрения принципиально выпадают когнитивные стили, дискурсы, практики работы с материалом / фактами, представления о причинности и т.д. и т.п., которым крайне сложно объединиться, зато существенно проще замещать. В свою очередь, империализм (экспансия, колонизация) — это социологический взгляд. Но он учитывает субъектов научной деятельности и ее контекст.

универсализированного средствами формальной онтологии аксиоматического ядра. И ту, и другую функцию может выполнить только математика, которая позволяет как развивать формальный аппарат исследования, так и создать математическую репрезентацию аксиоматического ядра дисциплины, тем самым универсализировав его ключевые категории. Это и произошло в отношении принципа рациональности (оптимальности) как ключевой характеристики экономического (рационального) поведения и принятия решений. В результате теория рационального выбора по своим эпистемологическим характеристикам становится *общепредметной*. Именно на этом основывается убеждение в ее универсальности для *любой* предметной области в сфере социальных, психологических и отчасти биологических и гуманитарных наук (Radnitzky, Bernholz-1986). Действительно, функцию полезности можно максимизировать в отношении всего — единственным условием является наличие в рассматриваемой области рационального агента, а точнее, «рационального механизма», так как то, что является субстратом, носителем этого механизма, — вопрос в целом несущественный.

Подчеркнем, что формирование универсальной предметной области принципиально не возможно без универсального метода и развития дисциплины исключительно по пути совершенствования формальных инструментов, что позволяет отвязаться от конкретной специфической предметной онтологии, а также последовательно добиваться статуса науки-лидера. Быть наукой-лидером означает (Шилков-2006; Кошовец-2010):

- 1) претендовать на позицию дисциплинарного эталона для целого ряда других дисциплин, субдисциплин и направлений путем «привязки» их к своим познавательным и технологическим ресурсам. Это неизбежно подразумевает для науки-лидера экспансию в смежные области, так как благодаря своим конкурентным преимуществам она создает исследовательскую перспективу, «апробированный путь». При этом успешное создание «субдисциплин-сателлитов» лишь усиливает ее лидерские позиции и дальнейшие притязания;
- 2) повышать эффективность своих когнитивных ресурсов в условиях борьбы за финансовые ресурсы;
- 3) претендовать на приоритетное финансирование.

Претензии экономики на позиции науки-лидера для общественных наук вполне закономерны: эталонность (она же научность) может быть надежно зафиксирована лишь в методе, в принципах организации исследования, в способах оперирования объектом, но не в содержании (у каждой науки оно свое). Кроме того, метод и созданная с его помощью формальная онтология дисциплины позволяет ей стать своеобразным узлом общей системы научных коммуникаций.

ТЕХНОНАУКА, «СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО» И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

В главе I, параграфе 2 мы отмечали распространение антисциентистской установки среди экономистов и призыв считать себя ремесленниками. Отметим, еще одну схожую позицию, которая, как нам представляется, улавливает наиболее важный аспект этой тенденции: Д. Коландер прямо призывает к тому, чтобы «политико-ориентированные экономисты стали воспринимать себя *инженерами*», это подразумевает, чтобы они *перестали считать себя учеными*, ориентироваться на научные критерии и искать истину. Их задача — решение проблем, при понимании и, соответственно, использовании моделей, эвристик и эконометрической техники исключительно как средств решения конкретной, узкой задачи или случая (Colander-2017: 731-732).

Из этого вытекает два следствия, одно Коландер четко отмечает — декларирование экономистами ограниченности своих знаний и рекомендаций. Однако важнее то, что этот призыв, по сути, проистекает из понимания *реального положения* экономической науки в системе институтов и производства знания, а также осознания глубокой трансформации, которую переживает наука в целом как социальное образование и эпистемологическое предприятие. Этих двух важных тенденций мы хотели бы вкратце коснуться далее, так как именно они, по нашему мнению, определяют и будут определять траекторию развития экономической науки в долгосрочной перспективе. Первое это формирование особого *горизонтального* символического поля по производству «экономического», где экономическая наука занимает лишь отдельное место и ее роль сужена до производства инструментария. При этом именно производство инструментария определяет элитную позицию экономистов в академическом сообществе и значительные перформативные возможности экономической науки. Второе — это трансформация классической науки в т.н. «технонауку», в результате чего целью ста-

новится «техническое производство» знания-продукта (артефакта). В этом контексте науки, нацеленные на создание инструментария, получают значительное преимущество.

1. Технонаука и трансформация способов производства и организации знания

Ключевая тенденция в развитии науки в современном обществе в том, что научное знание утрачивает свое привилегированное положение, т.е. лишается монопольного права на производство знания. Этот процесс находит отражение в концепциях «постакадемической науки», «технонауки», «трансдисциплинарности», которые фиксируют собой принципиальное *изменение механизмов* производства научного знания, статуса субъектов, производящих знание, а также проблему состыковки научных (т.н. академических и постакадемических), экспертных и производимых масс-медиа знаний и представлений.

Наука – это проект Нового времени, который был искусственно удлиннен в рамках историзации научной рациональности, по всей видимости, он подошел к своему концу как любое историческое образование и теперь *трансформируется в нечто новое*, что мы лишь в силу институциональных и культурных причин продолжаем именовать «наукой», но предположительно стоит обозначить как «технонаука». Если в обществе модерна и в рамках проекта Просвещения именно наука имела привилегированный статус в вопросах производства общезначимого знания и соответственно господствующего мировоззрения, то теперь это право, как и эпистемологический авторитет науки, универсальность и общезначимость производимого ей знания поставлены под сомнение. Это ведет к резкому сужению роли науки и установлению новых границ ее применимости.

Концепт «технонаука»⁵ прежде всего призван подчеркнуть, что на современном этапе научное знание уже не представляет со-

5. В виду темы этого доклада и ограниченности объема, мы не можем системно обсуждать феномен «технонауки», в частности, исторические и социальные причины, появление этого термина в литературе, исследования, которые привели к попытке отобразить реальный, а не нормативный процесс развития новоевропейской науки и роль в этом техники (а также ее значение для открытий, экспериментов, формирования инженерного знания). См.: (Латур-2006, Ihde, Selinger-2003; Daston, Galison-2007; Braun, Whatmore-2010).

бой объективное описание Мира, оно принципиально опосредовано материально-технической базой и соответственно онтология описывает именно эту искусственно созданную техническими средствами среду. Если ученый классического типа говорит об открытии и описании какого-то объекта, то в рамках технонаучного знания речь идет о *создании* объекта⁶. В свою очередь именно создание объекта требует изменения, как целей научной деятельности, так и по сути всей организации науки, что налагает неизгладимый отпечаток на эпистемологическую составляющую.

Далее, этот концепт пытается уловить кардинальные изменения в *способах производства знания и его организации*, которое идет в направлении синтеза с технологиями, значительного усиления последнего компонента и даже во многом *замещения знаний технологиями*. В рамках НТП как движущей силы экономического развития и под воздействием процессов капитализации наука все больше и больше сдвигается от создания теорий и выявления фундаментальных закономерностей к производству артефактов и инноваций. При этом процесс создания знания начинает носить принципиально целенаправленный, проективный и коллективный характер и выходит за пределы собственно науки, — в рамках технонауки ученые работают в тесном взаимодействии с инженерами и бизнесменами, это взаимодействие определяет и когнитивные стратегии и цели работы.

Стоящая за такой проективной деятельностью онтология (картина мира) подразумевает, что знание прежде всего что-то создает, производит, исходя из конкретных практических потребностей. В конечном счете, в рамках такой траектории развития научного знания ключевой становится способность науки к созданию коммерциализируемого результата, а ее основной задачей — производство промежуточного продукта, который можно постоянно реинвестировать с целью получения потенциальной инновации (технологии). В целом трансформация науки в «технонауку» означает, что ее основной целью является *производство технологий и инноваций* (причем, как в естествознании, так и в социо-гуманитарной

6. К примеру, некий физический объект становится наблюдаемым и, соответственно, получает статус природного явления только благодаря определенным техническим средствам, при этом он по сути является артефактом, изобретением. Отсюда возникает ключевой вопрос, какой Мир познает наука?

сфере). В рамках данного процесса трансформации можно говорить о резком сужении задач науки и о потере ею другой ключевой своей функции – *мировоззренческой*.

Вместе с тем, вышеописанные тенденции, ведущие к сдвигу демаркационных линий между научным знанием, другими знаниями и информацией, сопровождается комплементарным этому процессу изменением целей производства знания в социальных и гуманитарных науках. Речь идет об их переориентации на производство социальной и культурной реальности и смыслов, в рамках которого они *вступают в острую конкуренцию с другими сферами*, выполняющими те же задачи. Поскольку на первый план выходит не столько описание или понимание реальности, сколько производство смыслов, *производство реальностей* – социальной, экономической, политической, культурной и *управление* этими «реальностями» (их воздействием) на общество, то мировоззренческая и собственно познавательная функция науки перестают быть востребованными. Эта функция переходит в руки экспертов и других представителей «умственного труда», включенных в постиндустриальное общество (журналисты, маркетологи, пиар-специалисты, политтехнологи), иначе говоря, субъектов, *владеющих технологиями* по производству социальных представлений (смыслов, реальностей).

Причем это производство принципиально *технологично, проектоориентированно* и его единственным критерием является *эффективность*, тогда как истинность и объективность скорее даже *нежелательны*. И в этом плане социальные и гуманитарные науки проигрывают своим конкурентам в области символического производства, хотя бы уже потому, что их социально и институционально закрепленная эпистемологическая ориентация не соответствует вышеописанным критериям.

Однако, по-видимому, это не касается экономической науки, которая со своей ярко выраженной инструменталистской ориентацией, онтологиями «возможных миров», а также провозглашением тезиса о том, что задача моделей – рассказывать «вдохновляющие истории», транслировать ясный «моральный урок» и воспроизводить «шаблоны для понимания и интерпретации мира», имеет очень хорошие шансы встроиться в технонауку и ту роль, которую она будет выполнять в обществе. Экономисты больше не пытаются

описывать объективную реальность — распространяя свои технологии, рекомендации и инструментарий, они заставляют ее «случиться» (Фуркад и др.-2015).

2. Экономическая наука как трансэпистемическая область

Современная экономическая наука — это не научная практика, не чистая сфера академической деятельности, не изолированная эпистемическая культура. Это скорее трансэпистемическая область, расположенная на границе между академическим миром, масс-медиа, политической сферой и бизнесом (Maesse, 2015). Между этими мирами происходят обмены, обращение «товаров» и символов, а также дискурсивная реартикуляция, в рамках которой формируется сеть взаимодействия и определяется место каждого из этих миров в рамках подвижного целого. Важную роль в этих сетях играют структуры, которые складываются вокруг институтов формирования и управления экономической политикой — советов, министерств, центральных банков, экспертных центров. Их роль — проведение дискуссий, в рамках которых ученые-экономисты, которые включены в эти структуры, могут занять соответствующую экспертную позицию в отношении определенной идеи и в рамках определенного дискурса, сформировать единое с политиками мнение, получить/упрочить свой символический капитал, которые затем могут ретранслироваться по всей цепочке и воспроизводиться в СМИ, конструируя в рамках социальной реальности *согласованное* представление об «экономическом». Отсюда следуют ряд важных выводов.

Первое — ученые (экономисты) в этой сети выступают как носители «научного качества» и «научной эффективности», но не как носители истины или каких-то гипотез. В этом контексте инструментальное знание не может стать ресурсом или работать на формирование «академического капитала». В этом смысле *значение имеет именно метод, инструмент*, которым экономическая наука владеет (и развивают), и который как раз обещает эффективность/результативность. Кроме того, знание, представляемое в форме эконометрических расчетов, математических моделей, графиков (сред-

ство объективации, придания наблюдаемого характера), а также принципиально «технологичное» (в качестве базового технического средства выступает статистика) имеет в современном обществе и в рамках сложившейся культуры *наиболее высокий уровень доверия*. В него легче инкорпорировать оценки (это происходит при отборе материала, выборе проблем и в ходе интерпретации), при этом они как бы десубъективируются. Приведем пример, превращение объекта управления (например, здравоохранения) в полностью вычислимый и делегирование его модели (как эффективной «машине») для получения дальнейших выводов о нем создает *«технологии дистанцирования»* (Porter-1995) – они, в свою очередь, с одной стороны, придают получаемым результатам и делаемимся на этом основании выводам объективность, а, с другой стороны, позволяют снимать ответственность – «так показывает модель».

Второй важный вывод, вытекающий из представления об экономической науке как о трансэпистемической области, это то, что экономическое знание в ней воспроизводится не только в рамках академического сообщества, но и, по большей части, за его пределами (Montecinos, Markoff-2009). Это означает, с одной стороны, что оно подчиняется закономерностям функционирования и развития других сфер, нежели наука, следовательно, классический научный этос – поиск истины – утрачивает свое значение. С другой стороны, это позволяет различным элементам экономических теорий (как правило формализованным «универсалиям», образующим аксиоматическое ядро») и техникам встраиваться в реальные экономические процессы и становятся частью оборудования, «которым экономические агенты и обычные граждане пользуются в своих повседневных экономических взаимодействиях» (Фуркад и др.-2015).

Третье важное следствие, вытекающие из трансэпистемического положения экономической науки и ее сугубо инструментальной практической ориентации, – это *замещение теорий* (как мы видели в других параграфах, они становятся не нужны и приравниваются к моделям) *дискурсивными практиками*, которые формируются на границе между академическим миром, масс-медиа, политической сферой и бизнесом и *постоянная их реартикуляция* в рамках взаимодействия этих сфер. Важным отличием научной теории от дискурса является наличие в ней гипотез, которые можно и

нужно опровергать или доказывать, а также то, что в ней не может существовать противоречащих утверждений, это будет разрушать теорию. Однако в дискурсе эти проблемы принципиально снимаются, и он может успешно воспроизводить и транслировать определенные нарративы (истории), ведь дискурсивные структуры являются ценностными (а ценность — это желание должного, как это должно быть). Кроме того, в отличие от теории дискурс может обеспечить связность самых разнородных компонентов знания, информации и практик из различных сфер, за счет чего создает условия для коммуникации внутри и вне сообщества.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Исходя из представленных здесь размышлений, попытаемся немного (футуристически) порассуждать о том, куда движется современная экономическая наука (по пути горизонтального развития на основе производства моделей)? Считать ли фактическое признание экономической наукой того факта, что она занимается развитием метода и инструментов, а не изучает экономическую реальность, кризисом или триумфом? Представляется, что ответ на этот вопрос лежит, во-первых, в рамках нашего понимания траектории развития современного научного знания в целом как эпистемологической системы и как важного социального института, а также ответа на вопрос, что является целью науки. Во-вторых, ключевое значение имеет ответ на вопрос, чем является современная *экономическая* наука по сути (т.е. как социальный институт), что является важными элементами ее воспроизводства и ее позиции в социальном пространстве и, с другой стороны, как мы определяем ее предмет и цели, в чем видим пользу для общества? Если мы отвечаем на последний вопрос, что экономическая наука — это моделирование, производство инструментов и горизонтальное развитие (также подразумевающее экспансию), то у нее, по-видимому, большие перспективы.

В рамках технонауки, в которую постепенно трансформируется наука, главное что-то производить, причем технически ориентированное, то есть то, что потом можно будет применить для работы с реальностью, ее преобразования, создания чего-то нового или требуемого. Производство все новых и новых моделей вполне отвечает этим целям, ведь в результате такого процесса может быть создана какая-то особо эффективная технология (техника, инструмент). Такова *логика* технонауки. Но есть и мотивирующие примеры, — создание на основе ряда финансовых моделей принципиально новых объектов — рынков фьючерсов, опционов и других производных финансовых инструментов, которые позволяют получить *реальные* деньги (MacKenzie-2006).

Уход экономистов из сферы своей непосредственной ответственности на основе кардинального сдвига в понимании предмета в сторону рационального поведения (выбора), причем не реального, а максимально универсального (то есть, как оно задается формальной онтологией) и существующего в математической репрезентации, которое затем (как и положено универсалии) обнаруживается повсеместно — у людей, животных и даже в нейромозговой активности, также видится чрезвычайно перспективным. Это не только предоставляет возможности для успешного движения в другие науки, утверждение там соответствующего когнитивного стиля и работы с материалом посредством универсального, точного, объективного и вызывающего абсолютное доверие метода, но и создание в этих других науках и на стыке с ними новых дисциплин, как например, нейроэкономики.

Последняя является ярким образцом технонауки — не зря одни экономисты относятся к ней скептически, а другие (в частности, методологи) видят в ней большие перспективы. Однако похоже, реальная ее цель — создание технологий посредством изучения нейрофизиологической основы принятия решений. При этом здесь совсем не важно, действительно ли мозг функционирует на основе экономических законов, подходит ли для этого модель рационального выбора. Важнее, если на этой базе удастся получить какие-то результаты для дальнейшего преобразования мира, встраивания их в повседневные практики и управления определенными процессами. И мы уже видим эти результаты, например в виде нейромаркетинга.

Итак, бесспорно «инструментализм» хорош как стратегия выживания и экспансивного развития научной дисциплины и в институциональном, и в эпистемологическом плане. Вместе с тем, такое представление об экономической науке — провал для нее самой как науки об экономике. Тут не может не возникнуть закономерный вопрос, а кто же, какая наука (или, может, иная социальная сфера по производству знания) будет изучать собственно экономику. Ведь, в конечном счете, «инструментальная экономическая наука» будет производить свои модели для кого-то, и не только для других наук, для других социальных сфер, но и для тех, кто будет заниматься самой экономикой.

Если решение непосредственно экономических проблем опять станет искусством и вернется в сферу исключительно практики (т.е. в политику, к жанру «советов государю»), наш предположительный ответ, что в глобализованном мире, по-видимому, большая часть функций по производству знания о макроэкономических процессах постепенно будет делегирована наукой крупным аналитическим и экспертным центрам и международным институтам. Именно они будут вырабатывать общие рекомендации по экономической, модернизационной и технической политике, а медиа и некоторые другие общественные институты и крупные «переговорные площадки» способствовать их распространению, ретрансляции и укоренению в качестве «картины мира».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьин О.И.* (2005). Структура экономико-теоретического знания: методологический анализ. М.: НАУКА.
2. *Ананьин О.И.* (2018). Метаморфозы теоретической экономики: от Ричарда Кантильона до Ричарда Талера // Экономическая теория: триумф или кризис? СПб.: АНО «МЦСЭИ «Леонтьевский центр». С. 231–251.
3. *Капелюшников Р.И.* (2018). О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения // Куда движется современная экономическая наука? М.: Институт экономики РАН. С. 8–33.
4. *Кошовец О.Б.* (2007). Эксперт и воспроизводство научного знания // Экономика как искусство методологические вопросы применения экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях. М.: Наука. С. 210–249.
5. *Кошовец О.Б.* (2010). Дисциплинарное воспроизводство экономического знания (эпистемологический, онтологический и социально-экономический аспекты). М.: Институт экономики РАН.
6. *Кошовец О.Б., Вархотов Т.А.* (2014). Базовые концептуальные конструкции и мысленные эксперименты в экономической теории // Общество и экономика, № 4. С. 25–42.
7. *Кошовец О.Б., Ореховский П.А.* (2018). Дискурс «экономики» против дискурса «экономической системы»: от осмысления реальности к производству смыслов // Общественные науки и современность, №6. С. 133–148.
8. *Латур Б.* (2006). Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та.
9. *Либман А.М.* (2018). Эмпирические исследования в экономике: «революция достоверности»? // Куда движется современная экономическая наука? М.: Институт экономики РАН. С. 34–52.
10. *Макеева Л.Б.* (2011). Возможные миры: метафизика и здравый смысл // Возможные миры: семантика онтология. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». С. 214–227.

11. Стаханов И.П. (1974). Эволюция физических теорий // Проблемы истории и методологии научного познания. М.: Наука.
12. Фридмен М. (1994). Методология позитивной экономической науки // THESIS, №4. С. 20–52.
13. Фуркад М., Ольон Э., Альган Я. (2015). Превосходство экономистов // Вопросы экономики, №7. С. 45–72.
14. Шилков Ю.М. (2006). Дисциплинарный образ современной науки // Эпистемология и философия науки. Т. VII, № 1. С. 124–139.
15. Amadae S.M. (2003). Rationalizing capitalist democracy: The cold war origins of rational choice liberalism. – University of Chicago Press.
16. Angrist J., Azoulay P., Ellison G., Hill R., and Lu S. F. (2017). Economic Research Evolves: Fields and Styles // American Economic Review, Vol. 107, No. 5. P. 293–297.
17. Aydinonat N.E. (2018). The diversity of models as a means to better explanations in economics. Journal of Economic Methodology, 25. P. 237–251
18. Blaug M. (1997). Ugly Currents in Modern Economics // Options Politiques, Vol. 18, No. 17. P. 3–8.
19. Blaug M. (2003). The Formalist Revolution of the 1950s // Journal of the History of Economic Thought. Vol. 25. No. 2. P. 145–156.
20. Boettke P. J., Leeson P. T., and Smith D. J. (2008). The Evolution of Economics: Where We are and How We Got Here // The Long Term View, Vol. 7, No.1. P. 14–22.
21. Bourdieu P. (1989). Distinction. A social critique of the judgement of taste. – Routledge.
22. Braun B. and S.J. Whatmore (eds.). (2010). Political Matter. Technoscience, Democracy and Public Life. – University of Minnesota Press
23. Coase R.H. (1994). Essays on Economics and Economists. – University of Chicago Press.
24. Colander D. (2017). Economists should stop doing it with models (and start doing it with heuristics) // Eastern Economic Journal, Vol. 43, No. 4. P. 729–733.
25. Colander D. (2005). The making of an economist redux. Journal of Economic Perspectives, Vol. 19, No. 1. P. 175–198.

26. *Colaner D.* (2000). New millennium Economics: how did it get this way and what way is it? // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 14, No. 1. P. 121–132.
27. *Daston L., Galison P.* (2007). *Objectivity*. – Zone Books.
28. *De Vroey M., Pensieroso L.* (2016). The Rise of a Mainstream in Economics. – Université Catholique de Louvain. IRES Discussion Paper No. 26.
29. *Donato-Rodríguez X., Zamora-Bonilla J.* (2009). Credibility, Idealisation, and Model Building: An Inferential Approach // *Erkenntnis*, Vol. 70, No.1. P. 101–118.
30. *Duwendack M., Pamer-Jones R., Reed W.R.* (2017). What Is Meant by Replication and Why Does It Encounter Resistance in Economics? // *American Economic Review*, Vol. 107, No. 5. P. 46–51.
31. *Einav L. and Levin J.* (2014). Economics in the age of big data // *Science*, Vol. 346, No. 6210, 1243089.
32. *Fourcade M.* (2006). The construction of a global profession: The transnationalization of economics // *American Journal of Sociology*, Vol. 112, No. 1. P. 145–194.
33. *Fourcade M.* (2009). *Economists and Societies: Discipline and Profession in the United States, Britain, and France, 1890s to 1990 s.* – Princeton University Press.
34. *Gilboa I., Postlewaite A., Samuelson L., Schmeidler D.* (2014). Economic Models as Analogies // *The Economic Journal*, Vol. 124, No.578. – P. F513–F533.
35. *Grüne-Yanoff T., Marchionni C.* (2018). Modeling model selection in model pluralism // *Journal of Economic Methodology*, 25. P. 265–275.
36. *Hamermesh D. S.* (2013). Six Decades of Top Economics Publishing: Who and How? // *Journal of Economic Literature*, Vol. 51, No. 1. P. 162–72.
37. *Hansen W.L* (1991). The education and training of economics doctorates: Major findings of the executive secretary of the American economic association's commission on graduate education in economics // *Journal of Economic Literature*, Vol. 29, No. 3. P. 1054–1087.
38. *Hutchison T.* (1998). Ultra-deductivism from Nassau Senior to Lionel Robbins and Daniel Hausman // *Journal of Economic Methodology*, Vol. 5, No. 1. P. 43–91.

39. *Ihde D. and E. Selinger* (eds.) (2003). *Chasing Technoscience. Matrix for Materiality.* – Indiana University Press.
40. *Kuorikoski J. & Lehtinen A.* (2018). Model selection in macroeconomics: DSGE and ad hocness // *Journal of Economic Methodology*, 25. P. 252–264.
41. *Lawson T.* (2012). Mathematical Modelling and Ideology in the Economics Academy: competing explanations of the failings of the modern discipline? // *Economic Thought*, Vol. 1, No. 1. P. 3–22.
42. *Leamer E.* (2012). *The Craft of Economics.* – MIT Press.
43. *Lucas R.* (2011). What economists do // *Journal of Applied Economics*, Vol. 14. P. 1–4.
44. *MacKenzie D.* (2006). *An engine, not a camera: How financial models shape markets.* – MIT Press.
45. *Maesse J.* (2013). Spectral performativity. How economic expert discourse constructs economic worlds // *Economic Sociology. The European Electronic Newsletter*, Vol. 14, No. 2. P. 25–31.
46. *Maesse J.* (2015). Economic experts. A discursive political economy of economics // *Journal of Multicultural Discourses*, Vol. 10, No. 3. P. 279–305.
47. *Maesse J.* (2016). The power of myth. The dialectics between ‘elitism’ and ‘academism’ in economic expert discourse // *European Journal of Cross-Cultural Competence and Management*, Vol. 4, No. 1. P. 3–20.
48. *Mäki U.* (2005). Models are experiments, experiments are models // *Journal of Economic Methodology*, Vol. 12, No. 2. P. 303–315.
49. *Marshall A.* (2008). *The Present Position of Economics.* – BiblioLife.
50. *Mirowski Ph.* (1989). *More Heat than Light: Economics as Social Physics, Physics as Nature’s Economics* – Cambridge University Press.
51. *Montecinos V., Markoff J.* (eds.) (2009). *Economists in the Americas.* – Edward Elgar.
52. *Morgan M.S.* (2014). What if? Models, fact and fiction in economics // *Journal of the British Academy*, 2. P. 231–268.
53. *Porter T.M.* (1995). *Trust in Numbers. The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life.* – Princeton University Press.
54. *Radnitzky G., Bernholz P.* (eds.) (1986). *Economic Imperialism: The Economic Approach Applied Outside the Field of Economics* – Pwpa Books.

55. *Rodrik D.* (2015). *Economic Rules: The Rights and Wrongs of the Dismal Science.* – W.W. Norton.
56. *Rosenberg A.* (1992). *Economics: Mathematical Politics or Science of Diminishing Returns?* - University of Chicago Press.
57. *Ross D.* (2018). *Economics and allegations of scientism // Science Unlimited?* - University of Chicago Press. P. 225–245.
58. *Ross D. and Kincaid H.* (2009). *Introduction: The New Philosophy of Economics // The Oxford handbook of philosophy of economics.* - Oxford University Press. P. 3–32.
59. *Rubinstein A.* (2006). *Dilemmas of an Economic Theorist // Econometrica, Vol. 74, No. 4. P. 865–883.*
60. *Samuels W. J.* (1991). “Truth” and “Discourse” in the Social Construction of Economic Reality // *Journal of Post Keynesian Economics, Vol. 13, No. 4. P. 511–524.*
61. *Stock W.A. & Siegfried J.J.* (2014). *Fifteen Years of Research on Graduate Education in Economics: What Have we Learned? // The Journal of Economic Education, Vol. 45, No. 4. P. 287–303.*
62. *Sugden R.* (2000). *Credible Worlds: The Status of Theoretical Models in Economics // Journal of Economic Methodology, Vol. 7, No. 1. P. 1–31.*
63. *Sugden R.* (2009). *Credible Worlds, Capacities, and Mechanisms // Erkenntnis, Vol. 70, No. 1. P. 3–27.*
64. *Weintraub R.* (2002). *How Economics Became a Mathematical Science.* – Duke University Press Books.
65. *Whaples R.* (2009). *The policy views of American economic association members: The results of a new survey // Economic Journal Watch, Vol. 6, No. 3. P. 337–348.*

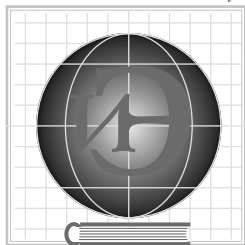
ОБ АВТОРЕ

Ольга Борисовна Кошовец — с.н.с. Института экономики РАН и Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, к.филос.н. Закончила факультет философии МГУ и затем его аспирантуру. Обучалась по программе дополнительного образования на экономическом факультете МГУ, а также стажировалась в Тюбингенском университете (Германия) по программе «Political system and economic transformation». В течение многих лет занимается анализом и консалтингом и регулярно участвует в подготовке документов для Правительства РФ, Совбеза РФ, других органов власти и госкорпораций. Регулярно участвует в ключевых международных конференциях в своей области.

Научные интересы: философия и методология науки, теоретическая социология, генезис науки Нового времени и формирование классической познавательной культуры, проблемы формирования научных онтологий, дисциплинарная структура науки, особенности экспертного знания, а также методология экономической науки, экономическая социология, анализ наукоемких, высокотехнологичных производств и рынков, стратегии научно-технологического развития, инновации и развитие науки и образования в условиях их капитализации.

Автор более 50 научных работ.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:
Тел.: +7 (499) 129 0472
e-mail: print@inecon.ru
Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

Кошовец О.Б.

«Горизонтальный прогресс» экономической науки:
между конструируемой реальностью и технонаукой

Оригинал-макет *Валериус В.Е.*
Редактор *Полякова А.В.*
Компьютерная верстка *Борищёва И.В.*

Подписано в печать 20.02.2019. Заказ № 6
Тираж 300 экз. Объем 2,3 уч.-изд. л.
Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0644-3

9 785994 006443